

Волошин Максимилиан Александрович

(1877–1932)

русский поэт и художник

Последние десять лет жизни Волошин почти безвыездно жил в своем доме в Коктебеле. Это место пользовалось популярностью у советских литераторов, любивших отдохнуть в Крыму, и к Волошину нет-нет да и наведывались друзья-писатели. Так, в июле 1932 к Волошину заехал Николай Чуковский (сын Корнея Чуковского). За несколько дней до этого у Волошина случился удар (что-то вроде инсульта).

«Макс, необычайно толстый, расплзшийся, сидел в соломенном кресле, – вспоминает Н. Чуковский. – Дышал он громко. Он заговорил со мной, но слов его я не понял — после удара он стал говорить невнятно. Одна только Марья Степановна (жена Волошина) понимала его и в течение всей нашей беседы служила нам как бы переводчиком.

При всем том он был в полном сознании. Когда я сказал ему, что стихи его пойдут в “Новом мире”, лицо его порозовело от радости. Снова и снова почти нечленораздельными звуками просил он меня повторять привезенную мною новость. Через несколько дней (это случилось 11 августа 1932) у него был второй удар, и он умер.

Он лежал в саду перед своим домом в раскрытом гробу. Гроб казался почти квадратным — так широк и толст был Макс. Лицо у него было спокойное и доброе — седая борода прикрывала грудь. Мы узнали, что он завещал похоронить себя на высоком холме над морем, откуда открывался вид на всю коктебельскую долину. Гроб поставили на телегу, и маленькая процессия потянулась через накаленную солнцем степь. До подножия холма было километра три, но мы сделали гораздо больший путь, так как обогнули холм кругом — с той стороны на холм подъем был легче. И все же лошадь на холм подняться не могла, и метров двести вверх нам пришлось нести гроб на руках.

Это оказалось очень трудным делом. Макс в гробу был удивительно тяжел, а мужчин среди провожающих оказалось только пятеро... Солнце жгло немилосердно, и, добравшись до вершины, мы были еле живы от усталости. Отсюда мы увидели голубовато-лиловые горы и мысы, окаймленные белой пеной прибоя, и всю просторную, налитую воздухом впадину коктебельской долины и далекий дом Волошиных с деревянной башенкой, и даже дельфинов, движущихся цепочкой через бухту. Знойный воздух звенел от треска цикад в сухой траве. Могильщики уже вырыли яму, гроб закрыли крышкой и опустили в светло-рыжую сухую глину. Чтец Артоболевский, высокий, худой, в черном городском пиджачном костюме, прочел над могилой стихотворенье Баратынского “На смерть Гете”:

Предстала, и старец великий смежил
Орлиные очи в покое;
Почил безмятежно, затем совершил
В пределе земном все земное!
Над дивной могилой не плачь, не жалея,
Что гения череп — наследье червей...

И мы поплелись вниз с холма».